

СТАТЬЯ НОМЕРА

Оригинальная статья

УДК 331.5

JEL J21, J6

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_1_368_379

EDN JUZDVG

(Не)стабильность трудового положения экономически (не)активных лиц в России

Елена Валерьевна Одинцова

Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия

(odin_ev@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-7906-8520>)

Аннотация

Цель представленного в статье исследования состояла в выявлении (не)стабильности характеристики трудового положения экономически активных и неактивных лиц в России. Изменения в трудовом положении и качестве занятости работающих, идентифицируемом в парадигме устойчивость – неустойчивость на основе соответствующих индикаторов, прослеживались на интервале 2014–2023 гг. при сопоставлении ситуации в «базовом» 2023 г., фиксирующим текущую ситуацию, с «референсным» 2014 г. На основе микроданных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ рассматривались перемещения между следующими выделенными группами, отражающими имеющееся трудовое положение и качество занятости: I. Занятые в организациях, занятость которых с точки зрения качества характеризуется как: (1.1) устойчивая, (1.2) незащищённая, (1.3) не обеспечивающая экономическую устойчивость домохозяйств и (1.4) неустойчивая; II. Занятые не в организациях (потенциально неустойчивая занятость); III. Безработные (временно незанятые, крайняя форма неустойчивой занятости); IV. Лица за рамками экономической активности. Определены масштабы данных укрупнённых групп экономически (не)активного населения в 2023 г., (не)стабильность положения в данных группах относительно 2014 г., имевшие место перемещения между группами с разным трудовым положением и качеством занятости. Выявлено, что у 59,3% находящихся в состоянии экономической активности и 29,9% находящихся в состоянии экономической неактивности в 2023 г. трудовое положение было нестабильным относительно 2014 г. При этом имевшие место изменения для большинства лиц с нестабильным трудовым положением были связаны с перемещением в рамках «контура уязвимости», т.е. переходами между сегментами занятости низкого качества, включая неустойчивую занятость, временной незанятости (крайняя форма неустойчивой занятости) и экономической неактивности.

Ключевые слова: трудовое положение, качество занятости, нестабильность, неустойчивость, экономическая активность, занятость, безработица, экономическая неактивность

Для цитирования: Одинцова Е.В. (Не)стабильность трудового положения экономически (не)активных лиц в России // *Уровень жизни населения регионов России*. 2026. Том 22. № 3. С. 368–379. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_1_368_379 EDN JUZDVG

RAR (Research Article Report)

JEL J21, J6

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_1_368_379

(In)stability of the Employment Position of Economically (In)active Individuals in Russia

Elena V. Odintsova

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

(odin_ev@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-7906-8520>)

Abstract

The purpose of the research presented in the article was to identify the (in)stability characteristics of the employment position of economically active and inactive individuals in Russia. Changes in the employment position and quality of employment of workers, identified in the sustainability – precarity paradigm based on relevant indicators, were tracked over the period 2014–2023, comparing the situation in the «baseline» year of 2023, which represents the current situation, with the «reference» year of 2014. Based on the microdata of the Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics (RLMS-HSE), the following groups were considered, reflecting the existing employment position and quality of employment: I. Employees in organizations whose employment is characterized as: (1.1) sustainable, (1.2) insecure, (1.3) not ensuring economic sustainability of households, and (1.4) precarious; II. Employees not in organizations (potentially precarious employment); III. Unemployed (temporarily unemployed, an extreme form of precarious employment); IV. Persons outside the economic activity. The scale of these enlarged groups of the economically (non)active population in 2023, the (non)stability of the positioning in these groups relative to 2014, and the movements between groups with different employment position and quality of employment have been determined. It was found that 59.3% of those who were economically active and 29.9% of those who were economically inactive in 2023 had unstable employment position compared to 2014. However, most of those with unstable employment position experienced changes within the «vulnerability contour», which refers to transitions between low-quality employment segments, including precarious employment, temporary unemployment (an extreme form of precarious employment), and economic inactivity.

Keywords: employment position, quality of employment, instability, unsustainability (precarity), economic activity, employment, unemployment, economic inactivity

© Одинцова Е.В., 2026

For citation: Odintsova E.V. (In)stability of the Employment Position of Economically (In)active Individuals in Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(3):368-379. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_1_368_379 (In Russ.)

Введение

Положение населения относительно экономической активности и неактивности является одним из активно разрабатываемых сегментов российских и зарубежных исследований, фокус внимания которых концентрируется на различных аспектах этой проблематики в ракурсе отслеживания происходящих изменений. Один из них связан с мониторинговым наблюдением, выявлением сложившихся тенденций.¹ Другой аспект сопряжён с рассмотрением рынка труда в парадигме стабильности – нестабильности (мобильности). В данном случае в центре внимания исследователей находятся потоки на рынке труда, процессы перемещения между статусами экономической (не)активности, предприятиями, отраслями, регионами и пр., а также связанные с этими процессами социально-экономические последствия и обуславливающие их факторы (см., напр. [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]). Результаты данных исследований для России показывают значительную мобильность между основными состояниями на рынке труда (занятость, безработица, неактивность), более слабую подвижность работников бюджетного сектора относительно рыночного, более высокие шансы безработицы для неформально занятых и экономически неактивных [1; 2], относительно низкую межрегиональную и межсекторную мобильность по сравнению со странами Организации экономического сотрудничества и развития [3].

Важным аспектом исследований также является рассмотрение положения занятых и изменений его сравнительной характеристики в зависимости от качества имеющейся занятости, оцениваемого в парадигме устойчивость – неустойчивость, и его последствий для работников и их домохозяйств (см., напр. [8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22]). (Не)устойчивость занятости и соответствующая характеристика положения работников определяется наличием и концентрацией различных проявлений (индикаторов) неустойчивой занятости, свидетельствующих о снижении качества занятости, утрате трудовых и социальных прав работников [16]. Применительно к России выявлены масштабы сег-

ментов занятости, различающихся в зависимости от наличия и концентрации индикаторов неустойчивой занятости, риски неустойчивости занятости для разных групп работников, показаны негативные последствия неустойчивой занятости для формирования уровня жизни работников и их домохозяйств и его устойчивости (см., напр. [13; 14; 18; 19; 20; 21]). Вместе с тем данный блок исследований преимущественно связан с изучением особенностей качества занятости и положения работников в соответствующих сегментах в зависимости от имеющейся (не)устойчивости занятости и динамики их масштабов, аспект переходов работников между этими сегментами пока недостаточно проработан. В настоящей работе предпринята попытка восполнить данный пробел в научном дискурсе, расширив ракурс рассмотрения от сферы занятости до безработицы и экономической неактивности для более комплексного отслеживания возможных изменений в положении экономически (не)активных лиц во времени. Научная проблема исследования заключается в необходимости дополнения концептуальной рамки оценивания качества занятости в парадигме устойчивость – неустойчивость аспектом выявления его (не)стабильности, что позволит получать более объёмную картину динамики ситуации с качеством занятости. Актуальность исследования определяется дефицитом соответствующих оценок в условиях расширения дестандартизации занятости, развития её гибких форм, сопровождаемых эрозией качества занятости, а также последствиями изменений в социально-трудовой сфере, статуса экономической (не)активности и качества занятости работающих для качества и уровня жизни экономически (не)активного населения и их домохозяйств.

Объект исследования – лица, находящиеся в состоянии экономической активности или неактивности, *предмет* – трудовое положение экономически активных и неактивных лиц. *Цель* исследования заключалась в выявлении (не)стабильности характеристики трудового положения экономически активных и неактивных лиц в России.

В исследовании решались следующие задачи: обобщить применяемые в авторских исследованиях разработки в части идентификации трудового положения, в том числе с учётом оценивания качества занятости в парадигме устойчивость – неустойчивость; провести оценивание трудового

¹ См., например: Мониторинг доходов и уровня жизни населения России // Институт экономики РАН: [сайт]. URL: <https://inecon.org/novosti/sborniki-nauchnyx-statej/monitoring-doxodov-i-urovnya-zhizni-naseleniya-rossii.html> (дата обращения: 21.07.2026); Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения. Доклад ЦЕТИ и ЛИРТ НИУ ВШЭ для ЦСР. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 148 с.

положения экономически (не)активных лиц для «базового» года, а также оценить произошедшие изменения относительно «референсного» года, выявив (не)стабильность трудового положения, в том числе качества занятости.

Гипотеза исследования: динамический ракурс анализа позволит уточнить происходившие изменения на рассматриваемом временном отрезке, выделив и оценив масштабы групп экономически (не)активного населения с условно стабильным и нестабильным трудовым положением и качеством занятости.

Теоретические и методологические основы

В данной работе рассматривается не домохозяйственный [23], а индивидуальный уровень трудового положения, под которым понимается положение относительно экономической (не)активности, участия в занятости и её качества. При этом в центре внимания исследования – динамика данного положения, при отслеживании которой акцент делается на перемещениях индивидов в течение наблюдаемого периода времени между следующими укрупнёнными группами экономически (не)активных лиц (таблица 1).

Таблица 1

Укрупненные группы экономически (не)активного населения по их трудовому положению

Table 1

Enlarged Groups of Economically (In)Active Population by Employment Position

I. Занятые в организациях, в том числе имеющие следующее качество занятости:				
Индикаторы качества занятости	Устойчивая занятость (1.1)	Незащищённая занятость (1.2)	Занятость, не обеспечивающая экономическую устойчивость домохозяйств (1.3)	Неустойчивая занятость (1.4)
Занятость на основе устной договорённости без оформления документов; Вынужденный неоплачиваемый отпуск по инициативе работодателя; Отсутствие оплачиваемого отпуска; Уменьшение работодателем заработной платы или сокращение часов работы; Задолженность по заработной плате; Неофициальная (частично или полностью) заработная плата;	–	V	–	V
Уровень доходов от занятости, не обеспечивающий экономическую устойчивость домохозяйств*	–	–	V	V
II. Занятые не в организациях				V
III. Безработные (временно незанятые)				V
IV. Лица за рамками экономической активности				

Источник: составлено автором.

Группа I. Занятые в организациях. В рамках данной группы с учётом результатов более ранних исследований [18] нами выделяются четыре подгруппы, дифференцированные по качеству занятости. Оно определяется на основе наличия и комбинации индикаторов неустойчивой занятости, верифицированных в предыдущих исследованиях (см., напр. [19]). Занятость, которая сопровождается наличием только индикатора уровня доходов от занятости из перечня рассматриваемых (таблица 1), идентифицируется как не обеспечивающая экономическую устойчивость домохозяйств (группа 1.3). Нормативная граница доходов от занятости², свидетельствующая о (не)устойчивости занятости, определена на основе стандарта покупатель-

ной способности по душевым денежным доходам. Он открывает нижнюю границу идентификации среднеобеспеченного населения³, экономической устойчивости и расширенного воспроизводства уровня жизни [24]. При наличии других индикаторов (исключая уровень доходов от занятости) занятость определяется как незащищённая (группа 1.2). В случае сочетания индикатора уровня доходов от занятости с другими индикаторами условий занятости такая занятость идентифицируется как неустойчивая (группа 1.4). Отсутствие каких-либо индикаторов из рассматриваемого перечня позволяет определить занятость как (условно⁴) устойчивую (группа 1.1).

³ 3,5 прожиточных минимума (ПМ) в 2023 г., 3,4 ПМ в 2014 г.

⁴ В рамках рассматриваемого перечня индикаторов.

² 4,5 прожиточных минимума трудоспособного населения (ПМтр) в 2023 г., 4,3 ПМтр в 2014 г.

Группа II. Занятые не в организациях. Как показывают предыдущие исследования (см., напр., [19]), занятость вне организаций сопряжена с рисками снижения качества занятости работников и наличия индикаторов её неустойчивости. Занятых из данной укрупнённой группы, также как и занятых в организациях из группы (1.4), можно отнести к неустойчиво занятым.

Группа III. Временно незанятые (безработные). Эта категория населения включается нами в число неустойчиво занятых (временная незанятость (безработица) как крайняя форма неустойчивой занятости) (см., напр. [19]), ввиду отсутствия (на период поиска работы) оформленных трудовых отношений, нахождения за рамками устойчивой занятости, отсутствия трудового дохода, который бы обеспечил экономическую устойчивость их домохозяйств.

IV. Лица за рамками экономической активности. Выделение данной категории населения важно с точки зрения отслеживания возможных перемещений между статусами экономической (не)активности на рассматриваемом промежутке времени. Так, например, находящиеся на текущий момент времени в определённой группе экономически активного населения ранее могли находиться за рамками экономической активности, в том числе по возрасту. Кроме того, данная укрупнённая группа экономически неактивных лиц, как показывают более ранние исследования, может включать потенциально теневую (неустойчивую) занятость лиц трудоспособного возраста [19], что также важно с точки зрения оценивания качества занятости и динамики трудового положения.

Для целей выявления изменений характеристики трудового положения в рамках данного исследования нами были выбраны две реперные точки: 2023 г. – в качестве «базового», фиксирующего текущую ситуацию, и 2014 г. – в качестве «референсного», с которым проводилось сравнение. Эмпирическую базу для проведения сравнительного оценивания трудового положения на выбранном временном отрезке составили микро-

данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ⁵ (далее – РМЭЗ). Были востребованы данные 32 волны РМЭЗ (2023 г.)⁶ и 23 волны РМЭЗ (2014 г.). На основе данных массивов были отобраны индивиды, сведения по которым имелись в 32 и 23 волнах РМЭЗ (всего – 4,7 тыс. чел.), для проведения дальнейшего анализа и выявления их трудового положения и его изменения.

Выбранный временной отрезок (почти десятилетний период) и только две реперные точки на нём задают определённые ограничения для интерпретации результатов исследования. Вместе с тем, данный подход позволит выявить, как изменилось трудовое положение россиян за период, в который имели место серьёзные экономические, геополитические и др. процессы, сказавшиеся на рынке труда и сфере занятости: на «выходе» (2023 г., которому предшествовала «адаптация» к последствиям кризиса, вызванного пандемией COVID-2019, обострения внешнего санкционного давления на экономику России с 2022 г., перераспределения трудовых ресурсов после начала СВО и мобилизации и пр.) относительно «входа» (2014 г., связанный с предыдущей «волной» усиления внешнего санкционного давления на экономику России).

Результаты исследования

Проведённое оценивание показало, что в 2023 г. у около 80% экономически активного населения (ЭАН) трудовое положение было связано с занятостью в организациях. При этом у большей части из них качество занятости было снижено – она не обеспечивала экономическую устойчивость домохозяйств, была незащищённой или неустойчивой (таблица 2). Ещё 16,6% ЭАН были заняты в неформальном секторе, т.е. их занятость была сопряжена с рисками снижения её качества. 3,2% ЭАН находились в крайней форме неустойчивой занятости (временной незанятости).

Таблица 2

Распределение по трудовому положению экономически (не)активного населения, 2023 г.

Table 2

Distribution of the Economically (In)Active Population, 2023

	В %*	В %**	В %***
I. Занятые в организациях, всего	50,4	80,2	100,0
в том числе имеющие следующее качество занятости:			
(1.1) Устойчивая занятость	4,2	6,7	8,4
(1.2) Незащищённая занятость	2,4	3,9	4,7

⁵ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Сайты обследования RLMS HSE: <http://www.hse.ru/rlms> и <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>.

⁶ В связи с изменением вопросника РМЭЗ в 33 волне (2024 г., являющейся на момент проведения исследования наиболее актуальной) были выбраны данные предыдущей 32 волны для обеспечения сопоставимости оценок.

Окончание Таблицы 2

(1.3) Занятость, не обеспечивающая экономическую устойчивость домохозяйств	30,0	47,7	59,5
(1.4) Неустойчивая занятость	13,8	21,9	27,4
II. Занятые не в организациях	10,4	16,6	
III. Безработные (временно незанятые)	2,0	3,2	
IV. Лица за рамками экономической активности	37,2		

*В % от численности экономически активных и неактивных лиц. **В % от численности экономически активных лиц. ***В % от численности занятых в организациях.

Источник: составлено автором. Оценка на основе данных 32 волны РМЭЗ и Обследования рабочей силы Росстата⁷.

Рассмотрение ситуации в динамическом ракурсе на основе панельного анализа позволяет оценить (не)стабильность фактического трудового положения экономически (не)активных

лиц в 2023 г. относительно 2014 г. и проследить их перемещения между группами с разным трудовым положением и качеством занятости (таблица 3).

Таблица 3

Распределение по трудовому положению в 2023 г. экономически (не)активного населения в зависимости от их трудового положения в 2014 г.

Table 3

Distribution of the Economically (In)Active Population in 2023 by Employment Position, Based on Employment Position in 2014

Трудовое положение в 2014 г. (укрупнённые группы экономически (не)активных лиц)	Трудовое положение в 2023 г.* (укрупнённые группы экономически (не)активных лиц)						
	I. Занятые в организациях, в том числе имеющие следующее качество занятости:**				II. Занятые не в организациях	III. Безработные (временно незанятые)	IV. Лица за рамками экономической активности
	(1.1)	(1.2)	(1.3)	(1.4)			
I. Занятые в организациях, в том числе:**							
(1.1)	26,4	7,1	5,4	3,2	3,1	1,3	1,0
(1.2)	18,1	18,6	2,2	3,7	1,8	0,0	0,4
(1.3)	32,6	24,3	49,2	22,8	14,9	8,9	14,5
(1.4)	16,7	35,7	25,1	32,0	18,0	20,3	8,0
II. Занятые не в организациях	3,5	2,9	4,2	8,0	38,6	15,2	2,8
III. Безработные (временно незанятые)	0,0	4,3	3,9	4,5	7,9	15,2	3,2
IV. Лица за рамками экономической активности***	2,7	7,1	10,0	25,8	15,7	39,1	70,1

* В % по столбцу. ** (1.1) – Устойчивая занятость, (1.2) – Незащищённая занятость, (1.3) – Занятость, не обеспечивающая экономическую устойчивость домохозяйств, (1.4) – Неустойчивая занятость. *** В том числе в возрасте до 15 лет.

Источник: составлено автором. Оценка на основе данных 23 и 32 волн РМЭЗ.

Как следует из данных таблицы 3, среди устойчиво занятых (группа 1.1) в 2023 г. только 26,4% сохранили характеристику устойчивости с 2014 г. С определённой долей ограничений (имея в виду только две рассматриваемые «реперные» точки при отслеживании динамики) занятость

группы (1.1) можно охарактеризовать как стабильно устойчивую, а их трудовое положение – как стабильное. Большинство (73,6%) устойчиво занятых в 2023 г. характеристику устойчивости в аспекте качества занятости приобрели, улучшив своё трудовое положение в 2014–2023 гг. Прежде всего они перешли из сегмента занятости, которая ранее (в 2014 г.) не обеспечивала экономическую устойчивость их домохозяйств (32,6%). У дру-

⁷ Итоги выборочного обследования рабочей силы // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265> (дата обращения: 02.04.2026).

гой части устойчиво занятых в 2023 г. занятость в 2014 г. была незащищённой (18,1%) или неустойчивой (16,7%). Остальные попали в сегмент устойчивой занятости в организациях из неформального сектора (3,5% в 2014 г. были заняты вне организаций) или ранее находились за рамками экономической активности⁸ (2,7%).

Среди тех, чья занятость в 2023 г. характеризовалась как *незащищённая* (группа 1.2), только 18,6% сохранили эту характеристику качества занятости с 2014 г. (стабильно незащищённые), для остальных она является приобретённой. Большинство (60,0%) ранее также были заняты в организациях, но их занятость была неустойчивой (35,7%) или не обеспечивала экономическую устойчивость их домохозяйств (24,3%), т.е. у этой части работающих в рассматриваемый период изменился состав и концентрация индикаторов неустойчивой занятости. У 7,1% находившихся в сегменте незащищённой занятости в 2023 г. трудовое положение относительно 2014 г. ухудшилось – они переместились в этот сегмент из устойчивой занятости. Остальные перешли в сегмент незащищённой занятости в организациях из неформального сектора (2,9%), либо ранее они были безработными (4,3%) или за рамками экономической активности (7,1%).

Сегмент занятости, которая *не обеспечивает экономическую устойчивость домохозяйств* (группа 1.3), почти наполовину являлся стабильным. Среди занятых в этом сегменте 49,2% сохранили данную характеристику качества занятости с 2014 г. Часть занятых в этом сегменте ухудшили своё трудовое положение в 2014–2023 гг., переместившись из сегмента устойчивой занятости (5,4%). Ещё одна группа занятых (25,1%) перешла из сегмента неустойчивой занятости, т.е. они «утратили» часть индикаторов неустойчивой занятости, сохранив только индикатор уровня доходов от занятости. 2,2% оказались в группе (1.3), переместившись из сегмента незащищённой занятости, т.е. ранее у них были другие индикаторы снижения качества условий занятости, которые к 2023 г. «сменил» индикатор уровня доходов от занятости. 4,2% перешли в сегмент занятости в организациях, которая не обеспечивает экономическую устойчивость домохозяйств, из неформального сектора. Остальные ранее были безработными (3,9%) или за рамками экономической активности (10,0%).

Сегмент *неустойчивой занятости* (группа 1.4) являлся стабильным почти на треть (32,0% занятых в организациях в 2023 г. сохранили низкое качество своей занятости с 2014 г.), для остальных неустойчивость занятости стала приобретённой

характеристикой в рассматриваемый период. У менее четверти занятых в 2014–2023 гг. ухудшение качества занятости было связано с увеличением числа индикаторов неустойчивой занятости: в дополнение к индикатору доходов от занятости, который был в 2014 г. (22,8%), появились другие признаки неустойчивой занятости. Ещё 3,7%, которые в 2014 г. находились в сегменте незащищённой занятости, наоборот, в дополнение к другим уже имевшимся индикаторам неустойчивой занятости «приобрели» индикатор уровня доходов от занятости. У 3,2% оказавшихся в 2023 г. в сегменте неустойчивой занятости качество занятости в рассматриваемый период резко ухудшилось: они переместились из сегмента устойчивой занятости, где были в 2014 г. Остальные попали в сегмент неустойчивой занятости в организациях из неформального сектора (8,0%) или ранее находясь за рамками сферы занятости – 4,5% в 2014 г. были безработными (крайняя форма неустойчивой занятости) и 25,8% экономически неактивными.

Неформальный сектор занятости в рассматриваемый период почти на 60% обновился, только для 38,6% занятых в нём в 2023 г. их положение относительно 2014 г. являлось стабильным. Чуть более трети (34,7%) занятых вне организаций в 2023 г. ранее были заняты в организациях и их занятость характеризовалась как незащищённая (1,8%), неустойчивая (18,0%) или не обеспечивающая экономическую устойчивость их домохозяйств (14,9%). 3,1% переместились в неформальный сектор занятости из сегмента устойчивой занятости в организациях. 23,6% попали в неформальный сектор занятости из числа безработных или экономически неактивных лиц.

Среди *безработных* в 2023 г. 45,7% ранее были заняты – в организациях (чаще всего их занятость была неустойчивой, но также есть и имевшие устойчивую или не обеспечивающую экономическую устойчивость домохозяйств занятость) либо вне организаций. 39,1% ранее были за рамками экономической активности, а 15,2% были безработными и в 2014 г.

Большинство (70,1%) лиц, которые были за рамками экономической активности в 2023 г., сохранили свою экономическую неактивность с 2014 г. 26,7% ранее были заняты в организациях или вне их. У занятых в формальном секторе занятость, как правило, была неустойчивой (8,0%) или не обеспечивала экономическую устойчивость их домохозяйств (14,5%). Небольшая группа (3,2%) в 2014 г. были безработными, а в 2023 г. их трудовое положение сменилось на экономическую неактивность.

Обсуждение

Проведённое исследование вносит вклад в изучение качества занятости, положения различ-

⁸ Здесь и далее – в том числе были в возрасте до 15 лет.

ных групп населения относительно сферы занятости и экономической активности, дополняя его динамическим аспектом, связанным с лонгитюдным наблюдением (за одними и теми же объектами во времени), что позволяет добавить определённой глубины в понимание происходящих процессов. Так, замеры численности населения, попавшего в рассматриваемые группы с разным трудовым положением в конкретный год, позволяют выявлять изменение их относительных размеров с течением времени. Например, рассмотрение распределения занятых в организациях по группам в зависимости от качества их занятости в 2014 г. и в 2023 г. (рисунок 1) показывает, что группа устойчиво занятых (1.1) сжалась на

0,4 п.п., группа с незащищённой занятостью (1.2) – на 0,8 п.п., группа с занятостью, не обеспечивающей экономическую устойчивость домохозяйств, (1.3) увеличилась на 9,1 п.п., а группа неустойчиво занятых (1.4) сжалась на 7,9 п.п. При этом, как следует из результатов проведённого оценивания качества занятости для одних и тех же занятых по состоянию на 2014 г. и на 2023 г., в рассматриваемый период произошли, по сути, более существенные изменения. Они связаны с «ротацией» состава соответствующих сегментов занятости, которые за рассматриваемый период обновились на 30–80% в зависимости от выявленного качества занятости в них (таблица 3).

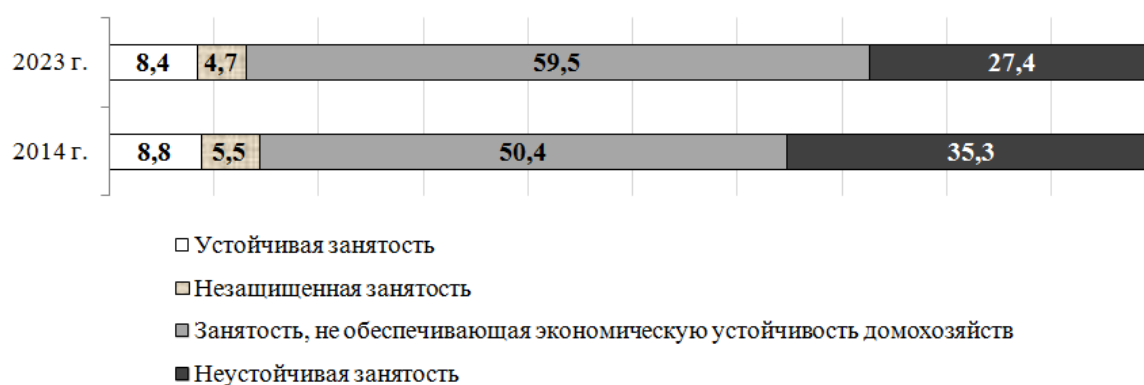

Рисунок 1. Распределение занятых в организациях по качеству их занятости, в 2014 г. и 2023 г., в %
Figure 1. Distribution of Employees in Organizations by Quality of Employment, in 2014 and 2023, in %

Источник: составлено автором. Оценка на основе данных 23 и 32 волн РМЭЗ.

Предложенный в исследовании подход к рассмотрению трудового положения экономически (не)активных лиц и качества занятости работающих в динамическом ракурсе позволяет выявлять их (не)стабильность (изменчивость). Как следует из полученных данных, в 2023 г. («на выходе») трудовое положение у большинства (59,3%) из наблюдаемой выборки изменилось относительно 2014 г. («вход») (рисунок 2). По итогам, среди них 7,1% ухудшили своё положение, переместившись из сегмента устойчивой занятости в сегменты занятости с более низким качеством, в том числе став неустойчиво занятыми. В целом неустойчивость занятости в рассматриваемый период «приобрели» 23,4% из числа ЭАН с нестабильным трудовым положением. 5,2% из числа ЭАН с нестабильным трудовым положением стали безработными, утратив занятость или экономическую неактивность. В целом только для 8,2% из числа ЭАН с нестабильным трудовым поло-

жением изменения в рассматриваемый период стали позитивными, для остальных они были сопряжены со сменой состояний уязвимости – они перемещались между сегментами низкого качества занятости, включая неустойчивую занятость, временной незанятости (крайняя форма неустойчивой занятости) и экономической неактивности.

Только 40,7% ЭАН в 2023 г. сохранили характеристику трудового положения, которая у них была в 2014 г. При этом из них только 4,3% остались в сегменте устойчивой занятости, остальные сохранили те или иные характеристики снижения качества их занятости или остались за её рамками (временная неза занятость).

Среди находившихся в 2023 г. за рамками экономической активности большинство (70,1%) сохранили своё трудовое положение относительно 2014 г., а его изменения (29,9%) были связаны, прежде всего, с утратой занятости, качество которой было снижено.

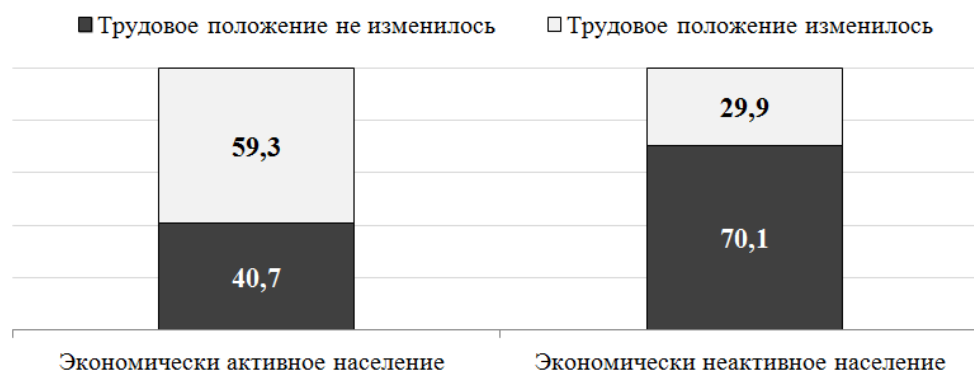

Рисунок 2. Изменение трудового положения экономически (не)активного населения (в 2023 г. относительно 2014 г.)
Figure 2. Changes in the Employment Position of the Economically (In)Active Population (in 2023 Compared to 2014)

Источник: составлено автором. Оценка на основе данных 23 и 32 волн РМЭЗ.

Реализованный в данной работе подход к изучению динамики качества занятости и трудового положения, как уже отмечалось, имеет определённые методологические ограничения: «полнота» анализируемых перемещений обусловлена числом «реперных» точек, на которых они отслеживаются. В данном исследовании возможное приращение знаний о процессах в сфере занятости и её качестве, мобильности экономически (не)активного населения на основе использования такого подхода показано на двух «реперных» точках. Вместе с тем, их увеличение может повысить точность оценок и позволить выстроить более детальные траектории изменений трудового положения экономически (не)активного населения. Так, проведённый дополнительный анализ на отрезке 2014 г. – 2019 г. – 2020 г. – 2023 г.⁹ в частности показал, что среди устойчиво занятых в 2023 г. только порядка 15% имели такое же качество занятости во всех четырёх реперных точках (эту группу можно считать ядром стабильно устойчивых). Среди неустойчиво занятых в 2023 г. у порядка 55% эта неустойчивость сохранилась с коронакризисного 2020 г., из них 60% были неустойчиво занятыми и в докоронакризисном 2019 г., а из них порядка 50% были неустойчиво занятыми уже в 2014 г. (их можно считать ядром стабильно неустойчивых). Среди безработных в 2023 г. менее 20% были безработными в 2020 г. Большинство (более 60%) попали в категорию безработных, будучи в 2020 г. либо неустойчиво занятыми, либо их занятость не обеспечивала экономическую устойчивость их домохозяйств. При этом из числа неустойчиво занятых в 2020 г. более 60% были не-

устойчиво занятыми и в 2019 г., а в 2014 г. они были либо безработными, либо занятыми в сегменте неустойчивой занятости или не обеспечивающей экономическую устойчивость домохозяйств, либо за рамками экономической активности.

Временной интервал, выбранный в данном исследовании, является достаточно большим (почти 10 лет) для отслеживания динамики качества занятости и трудового положения внутри двух реперных точек (2014 г. и 2023 г.). Это накладывает определённые ограничения на выводы о их (не)стабильности. Как подтверждает проведённый дополнительный анализ, на данном интервале «частота» изменений в трудовом положении и качестве занятости может быть различной, превышающей заложенный в концепции исследования «шаг» перехода (2023 г. к 2014 г.). Однако это только актуализирует необходимость дальнейшего более глубокого и детального изучения ракурса изменчивости качества занятости и трудового положения экономически (не)активных лиц. В данном исследовании реализована идея выявить фактическое «состояние» (2023 г.), результирующее все возможные «переходы» на выбранном временном отрезке, относительно «исходного» (2014 г.). Кроме того, длительный период позволяет выявить определённые уже сложившиеся «стратегии». В частности, проведённый дополнительный анализ показал, что за почти десятилетний период среди находившихся на страте (2014 г.) рассматриваемого периода за рамками экономической активности по возрасту к 2023 г. большинство по итогам так и остались за её рамками, но уже не по возрасту. Менее 20% оказались в сфере занятости, но, как правило, это был сегмент неустойчивой занятости.

⁹ В данном случае наблюдаемая выборка сжимается почти до 2 тыс. чел. Оценки на основе данных 23, 28, 29 и 32 волн РМЭЗ.

Изменения в трудовом положении и качестве занятости, на которых фокусируется данное исследование, могут быть обусловлены различными причинами и факторами. Это может быть горизонтальная и/или вертикальная мобильность – смена должности, профессии, места работы (предприятие, регион) и пр. Они могут быть связаны с изменениями на «индивидуальном уровне» – выход на пенсию, завершение обучения, изменение семейного положения и пр., – которые, в свою очередь, приводят к изменениям в экономической (не)активности и качестве занятости. За изменениями в статусе экономической (не)активности и качестве занятости также могут «стоять» «внешние» причины – утрата занятости или ухудшение её условий вследствие негативных изменений «на стороне» работодателя (ухудшение положения или закрытие предприятия). Причины и факторы, определившие соответствующие изменения в трудовом положении экономически (не)активного населения и качестве занятости работающих, оставшиеся за рамками рассмотрения в данной работе, требуют самостоятельного и детального изучения.

Заключение

Результаты проведённого исследования подтверждают важность изучения аспекта (не)стабильности при исследовании трудового положения экономически (не)активных лиц и качества занятости работающих и её (не)устойчивости, масштабы которой оценены для периода 2014–2023 гг. Гипотеза исследования подтвердилась. Научная новизна заключается в выявлении (не)стабильности качества занятости, идентифицируемого на основе наличия и сочетания признаков неустойчивости, в том числе (не)возможности обеспечить экономическую устойчивость домохозяйств работников. Выявлено, что в рассматриваемый период сегмент устойчивой занятости сжался с 8,8% в 2014 г. до 8,4% в 2023 г. (от числа занятых в организациях). При этом состав данного сегмента был стабильным менее чем на 30%. Соответственно, более 70% занятых, которые находились в этом сегменте в 2023 г., приобрели характеристику устойчивости их качества занятости в период с 2014 г. Прежде всего, они перешли из сегментов с разным сочетанием признаков неустойчивой занятости, а также из неформального сектора, либо сменив экономическую неактивность на занятость.

Сегмент незащищённой занятости в 2023 г. сжался до 4,7% относительно 2014 г. на 0,8 п.п., а его состав в данный период обновился более чем на 80%. Главным образом это произошло за счёт перемещения из сегментов неустойчивой или не

обеспечивающей экономическую устойчивость домохозяйств занятости. Сегмент занятости, не обеспечивающей экономическую устойчивость домохозяйств работников, в 2023 г. являлся наиболее массовым (59,5% от занятости в организациях в целом) и относительно 2014 г. увеличился на 9,1 п.п. При этом состав данного сегмента занятости в организациях являлся наиболее стабильным относительно трёх других: почти 50% работников были в этом сегменте в 2014 г., а остальные перешли в него в этот период (чаще всего из сегмента неустойчивой занятости).

Сегмент неустойчивой занятости в рассматриваемый период сжался на 7,9 п.п., составив в 2023 г. 27,4%. При этом состав сегмента неустойчивой занятости почти на 70% обновился относительно 2014 г. В него переместились, главным образом, из сегмента занятости, не обеспечивающей экономическую устойчивость домохозяйств, а также из экономической неактивности.

Неформальный сектор (потенциально неустойчивой) занятости в рассматриваемый период обновился более чем на 60%. Резерв его пополнения был связан, прежде всего, с занятостью, не обеспечивающей экономическую устойчивость домохозяйств работников, неустойчивой занятостью, безработицей и экономической неактивностью. Крайняя форма неустойчивой занятости (временная незанятость) являлась наименее стабильной с точки зрения состава и пополнялась, главным образом, за счёт неустойчивой занятости (в формальном и неформальном секторе) и экономической неактивности.

Полученные результаты исследования свидетельствуют о достаточно высокой нестабильности трудового положения экономически (не)активных лиц, обновляемости сегментов с разным качеством занятости с точки зрения её (не)устойчивости. Это подтверждает результаты других более ранних исследований о мобильности между основными состояниями на рынке труда [1; 2]. Вместе с тем полученные данные уточняют и показывают, что имевшие место изменения для большинства лиц с нестабильным трудовым положением были связаны с перемещением в рамках «контура уязвимости» – переходами между сегментами занятости низкого качества (включая неустойчивую занятость), временной незанятости (крайняя форма неустойчивой занятости) и экономической неактивности.

Полученные результаты имеют практическую значимость, позволяя прорабатывать управленческие решения в области политики занятости, адресованные разным группам экономически (не)активного населения, включая работающих с разным качеством их занятости. Они также мо-

гут быть востребованы для актуализации инструментария мониторинга численности данных групп, имея в виду «обновляемость» их состава, за которой могут «стоять» различные причины и факторы.

Полученные результаты верны для выбранного временного периода с учётом рассматриваемых реперных точек и методологии идентификации трудового положения и качества занятости и её (не)устойчивости. В дальнейших исследованиях целесообразно уточнить полученные результаты для других временных периодов и/или более широкого набора реперных точек. Кроме того, необходимо комплексное изучение причин и факторов, лежащих в основе и обуславли-

вающих смену экономической (не)активности и изменения в качестве занятости работающих. Также актуальным, в том числе с учётом исследований для больших временных интервалов, является аспект изучения изменений в трудовом положении и качестве занятости для разных возрастных (поколенных) групп экономически (не)активного населения. Всё это позволит выявить более детальные траектории перемещений (изменений трудового положения), точные стратегии занятости (экономической активности), обуславливающие их факторы и последствия для устойчивости и стабильности положения домохозяйств с разным составом экономически (не)активных лиц.

Список источников

1. Мобильность и стабильность на российском рынке труда / Н.Т. Вишневецкая, И.Б. Воскобойников [и др.]; под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 529 с. ISBN 978-5-7598-1532-7 EDN YQXQES
2. Гимпельсон В., Шарунина А. Потоки на российском рынке труда: 2000–2012 гг. // Экономический журнал ВШЭ. 2015. Том 19. № 3. С. 313–348. EDN UWPILX
3. Вакуленко Е.С. Сравнительный анализ межрегиональной и межсекторной мобильности в России // Экономика региона. 2020. Том 16. Вып. 4. С. 1193–1207. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-13> EDN FUOSPF
4. Hu M., Yi B. The Impact of Heterogeneous Labor Mobility on Income Inequality: A Skill Premium Perspective. *International Review of Economics and Finance*. 2026;108:105231. <https://doi.org/10.1016/j.iref.2026.105231>
5. Woods T., Nguyen D., Schneider D., et al. Labor Market Pathways to Job Quality Mobility in the Service Sector: Evidence from the «Great Resignation». *Research in Social Stratification and Mobility*. 2024;92:100962. <https://doi.org/10.1016/j.rssm.2024.100962>
6. Fontaine I., Gálvez-Iniesta I., Gomes P., et al. Labour Market Flows: Accounting for the Public Sector. *Labour Economics*. 2020;62:101770. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2019.101770>
7. Chassamboulli A., Fontaine I., Gomes P. How Important Are Worker Gross Flows Between Public and Private Sector? *Economics Letters*. 2020;192:109204. <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2020.109204>
8. Wang F., Liang Z., Lehmann H. Import Competition and the Rise of Precarious Employment: Evidence from Individual-Level and Firm-Level Data in China. *Labour Economics*. 2025;97:102803. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2025.102803>
9. Pauls C., Fleischmann M., Klein M., et al. Subjective Household Poverty as a Moderator for the Association Between Employment Precariousness and Mental Health Across Five European Welfare State Types. *SSM – Population Health*. 2024;27:101696. <https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2024.101696>
10. Park H., Park G.-R., Kim J. Transitioning into and Out of Precarious Employment and Life Satisfaction: Evidence from Asymmetric Fixed Effects Models. *Social Science and Medicine*. 2024;341:116539. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2023.116539>
11. Cuccu L., Royuela V., Scicchitano S. Navigating the Precarious Path: Understanding the Dualisation of the Italian Labour Market Through the Lens of Involuntary Part-Time Employment. *Papers in Regional Science*. 2024;103(6):100061. <https://doi.org/10.1016/j.pirs.2024.100061>
12. Karl M., Staudt A., Vives A., et al. Validation of the Employment Precariousness Scale and Its Associations With Mental Health Outcomes: Results from a Prospective Community-Based Study of Pregnant Women and Their Partners in Dresden, Germany. *British Medical Journal Open*. 2024;14(8):e077206. <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2023-077206>
13. Shichkin I.A., Kozhevnikova M.O. The Impact of Precarity on Quality of Employment and Living Standards of Households of the Middle Generation Workers. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024;17(3):190–205. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.3.93.11> EDN AKLGEY
14. Popov A.V. Implications of Precarization in the Context of Generational Groups: Direct and Indirect Effects. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022;15(6):167–181. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.6.84.10> EDN OFOIKT
15. Han W.J., Zhang L. Precarious Parental Employment Conditions and Family Poverty Experiences in the First Six Years of a Child's Life. *Journal of Child and Family Studies*. 2022;31:1106–1120. <https://doi.org/10.1007/s10826-021-02154-4>
16. Бобков В.Н. Неустойчивая занятость в Российской Федерации: состояние и направления снижения // Народонаселение. 2019. № 2. С. 91–104. <https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00018> EDN AXGJGY

17. Бобков В.Н. О концепции проблематики современной экономики труда // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 3. С. 355–370. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_1_355_370 EDN COHNCQ
18. Одинцова Е.В. Оценивание неустойчивой занятости по найму в российском формальном секторе: от уровня работников к уровню домохозяйств // Общество и экономика. 2025. № 8. С. 18–32. <https://doi.org/10.7868/s3034598725080022> EDN COFQGD
19. Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Подвойский Г.Л. Устойчивая и неустойчивая занятость в Российской Федерации // Мир новой экономики. 2023. Том 17. № 3. С. 109–124. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2023-17-3-109-124> EDN MNZHXM
20. Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Издательство «Весь Мир», 2024. 462 с. ISBN 978-5-7777-0938-7 EDN IEJRKS
21. От прекарной занятости к прекаризации жизни. Коллективная монография / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. 364 с. <https://doi.org/10.55604/9785777708861> EDN VOKUSY
22. Кученкова А.В. Прекаризация занятости и субъективное благополучие работников разных возрастных групп // Социологический журнал. 2022. Том 28. № 1. С. 101–120. <https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.1.8840> EDN FSNBZJ
23. Odintsova E.V. Level and Quality of Employment of Households with Children: (Non-)Sustainability and Dynamics in the New Conditions of Russia's Development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2025;18(5):129–142. <https://doi.org/10.15838/esc.2025.5.101.7> EDN CGTKSP
24. Одинцова Е.В. Об устойчивости уровня жизни российских домохозяйств // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 1. С. 87–104. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_6_87_104 EDN AUWQTH

Информация об авторе:

Елена Валерьевна Одинцова – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук
(SPIN-код: 1866-4793) (ResearcherID: U-7061-2019)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 22.07.2026; одобрена после рецензирования 07.08.2026; принята к публикации 31.08.2026.

References

1. Gimpelson V.E., Kapeliushnikov R.I. (eds.), et al. Mobility and Stability in the Russian Labour Market. Moscow: HSE Publishing House; 2017. 529 p. ISBN 978-5-7598-1532-7 (In Russ.)
2. Gimpelson V., Sharunina A. Flows in the Russian Labor Market: 2000–2012. *Ekonomicheskij zhurnal VSHE=HSE Economic Journal*. 2015;19(3):313–348 (In Russ.)
3. Vakulenko E.S. Comparative Analysis of Interregional and Intersectoral Mobility in Russia. *Ekonomika regiona=Economy of region*. 2020;16(4):1193–1207. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-13> (In Russ.)
4. Hu M., Yi B. The Impact of Heterogeneous Labor Mobility on Income Inequality: A Skill Premium Perspective. *International Review of Economics and Finance*. 2026;108:105231. <https://doi.org/10.1016/j.iref.2026.105231>
5. Woods T., Nguyen D., Schneider D., et al. Labor Market Pathways to Job Quality Mobility in the Service Sector: Evidence from the «Great Resignation». *Research in Social Stratification and Mobility*. 2024;92:100962. <https://doi.org/10.1016/j.rssm.2024.100962>
6. Fontaine I., Gálvez-Iniesta I., Gomes P., et al. Labour Market Flows: Accounting for the Public Sector. *Labour Economics*. 2020;62:101770. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2019.101770>
7. Chassamboulli A., Fontaine I., Gomes P. How Important Are Worker Gross Flows Between Public and Private Sector? *Economics Letters*. 2020;192:109204. <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2020.109204>
8. Wang F., Liang Z., Lehmann H. Import Competition and the Rise of Precarious Employment: Evidence from Individual-Level and Firm-Level Data in China. *Labour Economics*. 2025;97:102803. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2025.102803>
9. Pauls C., Fleischmann M., Klein M., et al. Subjective Household Poverty as a Moderator for the Association Between Employment Precariousness and Mental Health Across Five European Welfare State Types. *SSM – Population Health*. 2024;27:101696. <https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2024.101696>
10. Park H., Park G.-R., Kim J. Transitioning Into and Out of Precarious Employment and Life Satisfaction: Evidence from Asymmetric Fixed Effects Models. *Social Science and Medicine*. 2024;341:116539. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2023.116539>
11. Cuccu L., Royuela V., Scicchitano S. Navigating the Precarious Path: Understanding the Dualisation of the Italian Labour Market Through the Lens of Involuntary Part-Time Employment. *Papers in Regional Science*. 2024;103(6):100061. <https://doi.org/10.1016/j.pirs.2024.100061>
12. Karl M., Staudt A., Vives A., et al. Validation of the Employment Precariousness Scale and Its Associations With Mental Health Outcomes: Results from a Prospective Community-Based Study of Pregnant Women and Their Partners in Dresden, Germany. *British Medical Journal Open*. 2024;14(8):e077206. <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2023-077206>
13. Shichkin I.A., Kozhevnikova M.O. The Impact of Precarity on Quality of Employment and Living Standards of Households of the Middle Generation Workers. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024;17(3):190–205. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.3.93.11>

14. Popov A.V. Implications of Precarization in the Context of Generational Groups: Direct and Indirect Effects. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022;15(6):167–181. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.6.84.10>
15. Han W.J., Zhang L. Precarious Parental Employment Conditions and Family Poverty Experiences in the First Six Years of a Child's Life. *Journal of Child and Family Studies*. 2022;31:1106–1120. <https://doi.org/10.1007/s10826-021-02154-4>
16. Bobkov V.N. Precarious Employment in the Russian Federation: the State and Directions of Reduction. *Narodonaselenie=Population*. 2019;22(2):91–104. <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00018> (In Russ.)
17. Bobkov V.N. On the Concept of the Problems of Modern Labour Economics. *Uroven' Zhizni Naseleniya Regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(3):355–370. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_1_355_370 (In Russ.)
18. Odintsova E.V. Assessment of Precarious Employment in the Russian Formal Sector: From the Level of Workers to the Level of Households. *Obshchestvo i ekonomika=Society and Economics*. 2025;(8):18–32. <https://doi.org/10.7868/s3034598725080022> (In Russ.)
19. Bobkov V.N., Odintsova E.V., Podvoisky G.L. Sustainable and Precarious Employment in the Russian Federation. *Mir novoi ehkonomiki=The World of the New Economy*. 2023;17(3):109–124. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2023-17-3-109-124> (In Russ.)
20. Toshchenko Zh. T. (ed.) *Zhiznennyi Mir Rabotnikov: Ustoichivost' Versus Prekarnost'*. Moscow: Publishing House Ves' mir; 2024. 462 p. ISBN 978-5-7777-0938-7 (In Russ.)
21. Toshchenko Zh.T. (ed.) *From Precarious Employment to Precarious Quality of Life*. Monograph. Moscow: Publishing House Ves' mir; 2022. 364 p. ISBN 978-5-7777-0886-1 <https://doi.org/10.55604/9785777708861> (In Russ.)
22. Kuchenkova A.V. Employment Precarization and Subjective Well-Being of Employees in Different Age Groups. *Sotsiologicheskii Zhurnal=Sociological Journal*. 2022;28(1):101–120. <https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.1.8840> (in Russ.)
23. Odintsova E.V. Level and Quality of Employment of Households with Children: (Non-)Sustainability and Dynamics in the New Conditions of Russia's Development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2025;18(5):129–142. <https://doi.org/10.15838/esc.2025.5.101.7>
24. Odintsova E.V. On the Sustainability of the Standard of Living of Russian Households. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(1):87–104. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_6_87_104 (In Russ.)

Information about the author:

Elena V. Odintsova – PhD in Economics, Leading Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 1866-4793) (ResearcherID: U-7061-2019)
The author declares that there is no conflict of interest.

The article was submitted 22.07.2026; approved after reviewing 07.08.2026; accepted for publication 31.08.2026.